

Переодевшись, Цзиньсю заказала новый чайник — на этот раз без яда. Цинь Цзюнь сделала несколько глотков, и сердце успокоилось.

Снятую одежду Цзиньсю взяла на себя, убирая её в сторону, так что за столом осталась лишь Цзи Сы.

Цинь Цзюнь: «...»

Почему-то каждый раз, оставаясь наедине с Цзи Сы, она чувствовала неловкость. Что-то было не так, но что именно — понять не могла.

— Ты сегодня хорошо справилась, — похвалила она Цзи Сы, чтобы заполнить тишину.

Та склонила голову:

— Училась.

Видимо, в Нефритовом тереме учили, как обслуживать гостей. Цинь Цзюнь, чтобы поддержать разговор, спросила:

— Что ещё умеешь?

— Подметать, готовить, одевать, растирать тушь для туши. А также искусство жёлтого и красного, — ответила Цзи Сы.

Цинь Цзюнь на мгновение задумалась:

— Искусство жёлтого и красного?

— Искусство спальни, — пояснила Цзи Сы.

Цинь Цзюнь: «...»

— Госпожа хочет, чтобы я вас обслуживала? — спросила Цзи Сы, подойдя к Цинь Цзюнь и опустившись на колени перед ней.

Она положила одну руку на колено Цинь Цзюнь, а другой обхватила её голень под юбкой.

— Я хочу служить вам, — сказала Цзи Сы, склоняясь, словно собираясь поцеловать колено Цинь Цзюнь.

— Ч-что?! — глаза Цинь Цзюнь округлились.

Цзи Сы опустила ресницы. С этого ракурса Цинь Цзюнь заметила её слишком распахнутый ворот и обнажённый участок белоснежной шеи.

Цинь Цзюнь: «...»

На лице Цзи Сы мелькнула лёгкая соблазнительность. Она стала стаскивать с себя одежду, обнажив почти зажившее плечо, и взяла руку Цинь Цзюнь, чтобы та прикоснулась.

Цинь Цзюнь: «...»

Ещё не коснувшись кожи, Цинь Цзюнь вся вспыхнула, рванулась прочь и вскочила на ноги,

словно её обидели. В панике она обернулась, ища Цзиньсю:

— Цзиньсю!

Та с бесстрастным лицом подошла, держа одежду Цинь Цзюнь:

— Госпожа.

— Возвращаемся.

— Слушаюсь.

Лёгкая соблазнительность мгновенно исчезла с лица Цзи Сы. Она осталась на коленях, стукнулась лбом об пол, и её голос прозвучал холодно, как вода:

— Госпожа.

Цинь Цзюнь: «... Что?»

— Госпожа не оставит меня при себе? — спросила Цзи Сы.

Пережитый шок всё ещё отдавался в груди. Лицо Цинь Цзюнь пылало, и в нём затеплилась досада.

— Оставить? А что ты сможешь делать?

Цзи Сы подняла голову:

— Я буду служить вам. Всё, что угодно. Могу и на ложе разделить.

Цинь Цзюнь тут же пожалела, что задала лишний вопрос!

Цзиньсю сказала:

— У госпожи и так достаточно прислуги.

Цзи Сы спросила:

— Тогда зачем вы меня выкупили?

Вопрос повис в воздухе, заставив и Цзиньсю, и Цинь Цзюнь замереть. Ощущение было такое, будто они сели на тигра и теперь не могли слезть.

Цинь Цзюнь закусила губу, взяла из рук Цзиньсю шляпу с вуалью и, надевая её, быстро проговорила:

— Сейчас у меня действительно... Ладно, поживи здесь ещё пару дней. Через несколько... я обязательно заберу тебя в усадьбу.

Цзи Сы поклонилась:

— Слушаюсь.

И, наконец, перестала допрашивать.

Цинь Цзюнь вздохнула с облегчением и поспешно ретировалась вместе с Цзиньсю.

Когда комната опустела, Цзи Сы достала из-за пазухи платок, вытерла губы и нос, затем тщательно протёрла руки. Подняла их перед собой, внимательно разглядывая пальцы, а потом поднесла к носу и слегка вдохнула.

Услышав звук уезжающей повозки, она неспешно подошла к окну, приоткрыла створку и, изящно прислонившись к косяку, наблюдала, как удаляется экипаж Цинь Цзюнь. Уголки её губ дрогнули в лёгкой улыбке.

Цинь Цзюнь вошла в карету. Внутри уже были приготовлены чай и горячая вода. Она взяла чашку из рук Цзиньсю и жадно отхлебнула. Тёплый чай согрел внутренности. Она откинулась на спинку сиденья и тяжело выдохнула.

— Принцессе лучше? — спросила Цзиньсю.

Цинь Цзюнь кивнула:

— Просто от волнения живот прихватило. Ничего страшного.

— Испугались?

Губы Цинь Цзюнь задрожали. В памяти всплыли слова Цзи Сы: «Я буду служить вам. Всё, что угодно. Могу и на ложе разделить».

Эти слова, тёплые и влажные, словно обвили её уши, заставив лицо гореть.

И тут Цинь Цзюнь наконец поняла, что за странное чувство она испытывала рядом с Цзи Сы!

Та, оказывается, решила, что Цинь Цзюнь выкупила её в качестве забавы для утех! Поэтому Цзи Сы воспринимала её как гостя Нефритового терема и время от времени пыталась соблазнить!

Чем больше Цинь Цзюнь об этом думала, тем сильнее краснела. Она, конечно, выкупила Цзи Сы, но она же не... не такая!

Цинь Цзюнь спрашивала себя, не переходила ли она каких границ с Цзи Сы... Но почему тогда та так думает!

Она точно не станет прикасаться к Цзи Сы! Все, кто к ней прикасались, умерли. Неужели ей своей жизни не жалко?

Лицо Цинь Цзюнь то краснело, то бледнело. Цзиньсю, наблюдая за этим, не выдержала:

— Принцесса?

— Скажи... почему Линь Пинь так думает? — выдохнула Цинь Цзюнь.

Цзиньсю ответила, как о чём-то само собой разумеющемся:

— Вы выкупили её из публичного дома, поселили в таверне, обеспечили всем необходимым и лишь изредка навещаете. Кто угодно подумает, что она ваша содержанка.

Цинь Цзюнь медленно открыла рот:

— Я... я никогда не ходила туда для утех!

— Линь Пинь раньше болела, естественно, не могла вас обслуживать. Когда поправится — будет в порядке, — сказала Цзиньсю.

Цинь Цзюнь почувствовала себя так, будто съела горькую редьку. Взглянув на выражение лица Цзиньсю, она ощутила ещё большее смущение:

— Ты... ты тоже так думаешь?

Цзиньсю уверенно кивнула.

— Когда я говорила, что покупаю её для... — Цинь Цзюнь запнулась, алыми губами надувшись, — ...этого?

Цзиньсю сказала:

— Если не для этого, зачем покупать проститутку, да ещё и скрывать?

Цинь Цзюнь: «...»

Цзиньсю продолжила:

— Если у принцессы есть такие склонности, не обязательно идти в Нефритовый терем. В ваших покоях и так много красивых служанок. Может, они и уступают Пинь-нян в лице, зато происхождение у них чистое...

Чем больше говорила Цзиньсю, тем алее становилось лицо Цинь Цзюнь.

Погибать мне! Неужели в Цинь-Чжоу женщины могут так запросто рассуждать о подобном?

Наконец Цзиньсю взглянула на Цинь Цзюнь:

— Если принцесса пожелает меня, я тоже могу...

— Хватит! — Цинь Цзюнь чуть не поперхнулась. — У меня нет таких склонностей!

— Тогда я убью её, — сказала Цзиньсю. — Чтобы потом это не попало в доклады чиновникам и не запятнало ваше имя в истории.

Цинь Цзюнь едва не истекла кровью:

— В историю?

Цзиньсю кивнула:

— В официальных хрониках, может, и не запишут, но в частных летописях обязательно упомянут.

«...»

Цинь Цзюнь невольно представила, как через несколько лет в исторических трудах напишут: «Старшая принцесса государства Цзян вернула себе трон, с тысячью армий разгромила Цинь-

Чжоу, прославилась как доблестная военачальница, чьё имя останется в веках».

А о ней: «Шестая принцесса Цинь-Чжоу, любительница женщин, развратная и порочная, держала в своих покоях проститутку, ежедневно предаваясь утехам, пока та не прикончила её на ложе, оставив позор на века».

Цинь Цзюнь: «...»

Карета прибыла в резиденцию князя Кана. Цинь Цзюнь, шатаясь, вошла во двор, опираясь на Цзиньсю.

К вечеру, когда зажгли светильники, Цзиньсю всё ещё не могла забыть о Цзи Сы и вновь предложила убить её.

Цинь Цзюнь: «... Есть другие идеи?»

Цзиньсю, хмурясь, снимала с Цинь Цзюнь шпильки и серьги:

— Если бы принцесса не пожалела её и не спасла, чай уже сделал бы своё дело.

Цинь Цзюнь замерла с гребнем в руках, сжала губы:

— Я...

— Принцесса поддалась её чарам и размякла, — констатировала Цзиньсю.

Цинь Цзюнь: «...»

Она потерла переносицу, понимая, что в глазах Цзиньсю, вероятно, навсегда останется сластолюбивой развратницей.

Снимая серьги, она попыталась оправдаться:

— Я просто боялась, что её отравят крысиным ядом, и власти начнут расследование...

— Я подменила яд, когда заваривала чай, — сказала Цзиньсю. — Это был яд, оставленный матушкой, называется «Пожиратель сердца». Его симптомы похожи на сердечный приступ.

— После мы просто скажем, что у неё сердце прихватило, и дело с концом. К тому же она из подлого сословия — до властей не дойдёт.

Цинь Цзюнь сдалась:

— Видеть, как живой человек умирает у меня на глазах... я... я не вынесу!

Цзиньсю заметила:

— Когда принцесса впервые послала меня убить её, вы не были столь нерешительны.

Цинь Цзюнь уткнулась лицом в ладони:

— Первый порыв силён, второй слабее, третий иссякает. С этим покончено.

Первое покушение провалилось, второе и третье отравление тоже не удались. Цинь Цзюнь знала — убить Цзи Сы она не сможет.

Цзиньсю, разжигая в комнате жаровню, чтобы стало теплее, сказала:

— Та, кто убивает своего господина, злобна и опасна. Её не приручить.

Цинь Цзюнь открыла рот, но ничего не сказала. Она знала это. Надеялась, что, спася Цзи Сы от следующей трагедии, сможет уменьшить её ненависть. Но Цзи Сы всё равно убила нескольких зрителей из Нефритового терема.

Матушка Фан была её госпожой, они прожили вместе пять лет. Но когда пришло время, Цзи Сы не дрогнула. Пожар обратил матушку Фан в обугленный труп, лицо которого нельзя было узнать.

<http://bllate.org/book/16274/1465082>